

Известия - 2001 - 8 дек. - с.3

А я вам, батенька, руки не подам-с

**Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ:
Я не хотел скандала**

Главное, вокруг чего разгорелся весь сыр-бор, — так это вокруг главы об Олеге Ефремове «Когда разгуляется». Именно она стала предметом пересудов. О них и об отношении к своему герою идет речь в коротком интервью Анатолия СМЕЛЯНСКОГО корреспонденту «Известий» Юлии РАХАЕВОЙ.

— Вы написали о недуге Олега Николаевича. Но стала ли эта ваша правда для читателей моментом истины?

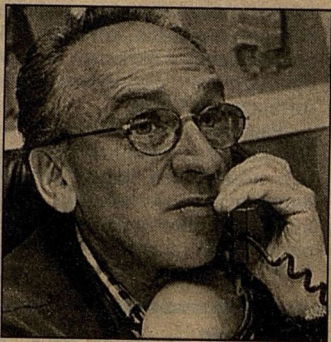
— Я не Караулов, я не искал «моментов истины» в недуге Ефремова. Я попытался описать это так, как это должен сделать любой литератор, пишущий портрет незаурядного художника, рожденного определенной эпохой. Он уходил в «питие» не по причине окружающей его советской действительности. Это было бы чудовищным преувеличением. Он верил в художественную цельность своих «уходов» — вот что основное. Он полагал, что это его сохраняет и охраняет как художника. Он себя таким образом спасал, если хотите. Как Федя Протасов в «Живом труп»: выпьешь и не так стыдно. Мало кому у нас тогда размышлялись такие «уходы».

— В книге глава «Когда разгуляется» читается совершенно по-другому. Не жалеете ли вы, что напечатали ее в газете, отделив от контекста?

— Жалею. Хотя она появилась и не совсем отдельно, а в контексте других шести глав. Но тот, кто прочитал одну главу в газете, вовсе не обязательно прочтет следующую. Психологию «читателя газет» я, видимо, не учел. Я не хотел скандала.

— Во мнении большого количества людей вы были среди тех, кто разделил МХАТ. Не жалеете?

— А вы сожалеете о развале Советского Союза? Я сожалею. Эти события не равнозначны,

ВИКТОР АХЛОМОВ

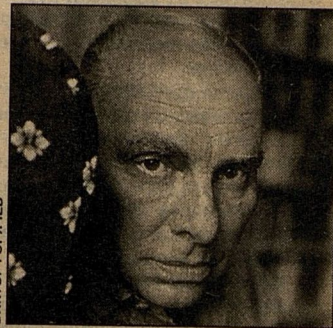
но одной природы. Сожалеть можно о том, как это было сделано. Но и тут МХАТ лишь проигрывал то, что вскоре случится со страной.

— А может ли в принципе это быть цивилизованно — развод театра или страны?

— У нас, видимо, нет. Потом были другие театральные разделы, такие же нецивилизованные. И зерна ненависти зрели и зреют во многих театрах, потому что у нас до сих пор нет права на цивилизованный развод. Людям некуда податься, и наш репертуарный театр очень часто напоминает мучительное сожительство людей, которые прикованы друг к другу не любовью, а наказанием. Как в тюрьме. Ефремов не понимал и не предвидел всех последствий раздела. Больше скажу: он в каком-то смысле не руководил процессом раздела, потерял контроль над ним. Пошла цепная реакция. Примерно то же, что случится потом с СССР. Теперь, правда, тоже ищут персонально виновных.

Виталий ВУЛЬФ:

Книга Анатолия Смелянского «Уходящая натура», главы из которой были напечатаны в «Известиях», для меня явление загадочное. В талантливом тексте — непривычная для этого автора желтизна. Поражает, как автор расправляется с теми, кто его не любил. Там достается, к примеру, Ангелине Степановой. Да, она не любила Смелянского, хотя признавала, что он умен и талантлив. Но никогда не позволяла себе по отношению к нему того оскорбительного тона, в каком он написал о последней из великих мхатовских старух. В том же тоне выдержан пассаж о Прудкине. Особенное возмущение вызвала глава об Олеге Ефремове. Самое любопытное, что все написанное — абсолютная правда и неправда одновременно. Талант и величие Ефремова, одного из самых противоречивых, честных и чис-

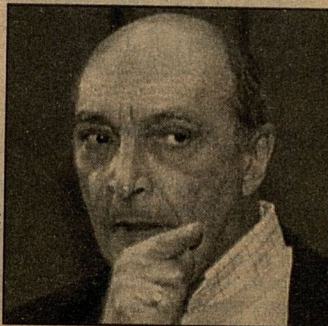
ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

тых людей театра, не позволяя при его жизни обсуждать издержки его натуры. И вот через год после его смерти человек, который считался его правой рукой, обязанный Ефремову своей карьерой, публикует подобное. «Никакое иное слово не имеет столько значений в театральном словаре, как слово «предательство», — заключает Смелянский одну из глав. Так автор сам определил им сделанное.

Михаил КОЗАКОВ:

Книгу прочитал на одном дыхании: начал в 11 вечера и окончил в 11 утра. И было ощущение, что я вернулся в прошлое, что живой Ефремов, которому я многим обязан в жизни, сидит здесь в комнате, рядом. Это не театроведение — это мемуары, причем замечательные. Они рассказывают о МХАТе — во времени, о Ефремове — во времени, о нас — во времени. При всей откровенности, они никак не умаляют личность Ефремова, масштаб его таланта. Критиков книги смущает, что там сказано: Ефремов пил. Ну и что! — ведь и Солженицын писал о Твардовском, что он пил. Но написано это с огромным пониманием характера мастера, с пиететом и любовью к нему.

Я все время думаю об этом несоизмерном шуме вокруг «известинских» публикаций — ведь протестовали люди, которые не читали книгу целиком, а часто и те, кто и публикаций не читал, а только слышал о них. Почему же? Один не умеет так писать, как Смелян-

АЛЕКСЕЙ КОНДРАШИН

ский, — а это неприятно, когда кто-то пишет лучше тебя. Другой привык к портретам лакированным. И критики дошли до откровенной ругани на страницах и в телеэфире — а это лучше всего доказывает зыбкость их позиции. А когда возникают разговоры о том, что Смелянский в театре был «серым кардиналом», что он чуть ли не ответственен за разделение МХАТа, я вспоминаю реального Олега Ефремова, человека мощного и самостоятельного, на которого невозможно было повлиять — он все равно делал по-своему.